

Звон металлических цепей раздался в воздухе: "дзынь", "дзынь". Цзянь Хуай открыл глаза, посмотрел на свои скованные руки и увидел наручники на запястьях и кандалы на ногах.

Окружающее пространство было погружено во тьму, обычному человеку было бы трудно что-то разглядеть. Но зрение Цзянь Хуая в темноте обострилось; он ясно видел десяток людей, окружавших его. Некоторые уже начали разлагаться, другие выглядели относительно целыми, но ни один из них не был нормальным.

Разлагающийся человек слева сделал шаг в сторону Цзянь Хуая. Капля бледно-желтой зловонной жидкости упала с его гниющей руки на пол, издав шипящий звук.

Цзянь Хуай вспомнил кукол, втянутых в вихрь Ши Чанфэном. Лишь одной кукле удалось сбежать, но половина её тела была разъедена.

— Новичок... новичок...— разлагающийся человек заходил кругами вокруг Цзянь Хуая, с огромной дырой на шее. Его голос звучал, как из дырявых мехов. — Мой...

Цзянь Хуай увидел, что три стороны комнаты были стенами с разной степенью коррозии. Последняя сторона была ограждена железной решёткой, словно тюремная камера.

Где же Ши Чанфэн? Цзянь Хуай втянул носом воздух — он не чувствовал сильного запаха крови или ледяного аромата снега, только едкую вонь.

Эти люди пропитались смрадом разложения.

Они называли Цзянь Хуая "новичком", подразумевая его неопытность. Он спросил:

— Где это место?

Разлагающийся человек, объявивший Цзянь Хуая своей собственностью, наклонил голову:

— Это... тюрьма. Тебя... привёл... Ши Чанфэн...

— Как ты его назвал? — лицо Цзянь Хуая выражало полное неверие при упоминании имени Ши

Чанфэна.

Эти люди действительно знали Ши Чанфэна!

Да, Пэй Няньши говорил, что левый глаз Ши Чанфэна постоянно смотрит в мир, с которым он связан. Значит, все эти годы перед глазами Ши Чанфэна были и реальный мир, и этот?

Разлагающийся сделал несколько шагов ближе. Цзянь Хуаю стало дурно от вони, и он отступил назад, упёршись спиной в железную решётку без возможности отступления.

Ши Чанфэн был связан с миром класса S. Самое важное в других мирах — найти правила. Шань Гулань говорила, что миры класса S — это слияние нескольких миров, создающее хаос и затрудняющее поиск правил.

Но Цзянь Хуай вспомнил свой мир, называемый находящимся в процессе слияния, поэтому там было два набора правил. Вот почему, когда они хотели войти в кабинет Цзянь Боханя, внутренний мир закончился, и они сразу вернулись к утру внешнего мира — это было изменяющееся правило.

Цзянь Хуай не знал, как объединены правила мира класса S. Но полный хаос невозможен. Даже в пережитом им сливающимся мире были правила вроде "городских легенд", и Цзянь Бохань мог использовать их, чтобы загнать Ши Чанфэна и других в безвыходное положение.

— Хех, Ши Чанфэн пришёл сюда с нами десять лет назад, — сказал относительно целый человек. — Потом он ушёл, но часто присылает нам игрушки.

— Неважно... он... моя... игрушка... — пробормотал разлагающийся.

Он бросился к Цзянь Хуаю, и остальные не стали его останавливать.

Кожа, плоть и гной продолжали капать с разлагающегося тела, пока он бежал, каждая капля обладала сильной коррозией. Остальные наблюдали за Цзянь Хуаем с радостными ухмылками.

Эти люди... казалось, были обычными людьми из нормального мира, и у них были способности!

Когда разлагающийся прыгнул, Цзянь Хуай слегка двинулся, достаточно, чтобы уклониться, заставив разлагающегося врезаться в железную решётку.

Шшш!

Коррозийная жидкость с тела разлагающегося вступила в контакт с решёткой, разъедая её. Разлагающийся издал мучительный вопль. Должно быть, ему было очень больно, но выражение лица уже невозможно было разглядеть из-за разложения. Химическая реакция выделила много тепла, раскалив докрасна части его тела, соприкасавшиеся с решёткой.

В этот момент сидящий человек внезапно вытянул руку, как резину, схватив разлагающегося. Его ладонь тоже разъело, но он даже не моргнул, отрывая разъеденную плоть.

Его тело не заживало так быстро, как у Цзянь Хуая. Казалось, он не чувствовал боли, отбросив травмированную руку и прищурившись:

— Третий, если хочешь умереть, никто не против, но не ломай решётку. Это то, что Ши Чанфэн оставил, чтобы защитить нас.

— Больно, больно, — плакал разлагающийся, по имени Третий, лёжа на полу. — Я просто хотел поиграть, поиграть с новичком.

— Что с вами не так?— Цзянь Хуай видел слишком много городских легенд; он оставался спокоен.

Он заметил, что человек, только что спасший Третьего, выглядел... удивительно молодым!

Хотя его кожа была тёмной, а голос звучал уставшим, его лицо было очень молодым, возможно, ему было всего двадцать с небольшим.

— Ты не один из нас, так зачем мне тебе рассказывать? — человек с длинными руками полуприкрыл глаза. — Ши Чанфэн часто присылает нам еду, игрушки и разных людей, будто это мусорный бак. Наверное, впервые сюда попал чистый, симпатичный, молодой и нормальный человек. Ты знаешь Ши Чанфэна?

— Знаю. Похоже, вы с ним очень близки,— сказал Цзянь Хуай.

Он понял, что эти люди не были враждебны. Разлагающийся, казалось, просто хотел с ним поиграть, и выглядел умственно отсталым.

— У нас порядок по возрасту. Я старший, на год старше остальных. Зови меня Старшим Братом, — сказал Старший Брат. — Ши Чанфэн ни молодой, ни старый, седьмой номер. Тогда наша комната была большой, вмещала двадцать человек. Теперь осталось только двенадцать, и Третий скоро сойдёт с ума. Ещё пару раз, и его не станет. Нормальные остаются внутри решётки; ненормальных выпускают.

— погоди, сколько лет было Ши Чанфэну, когда вы его знали? — Цзянь Хуай вдруг осознал, кем могли быть эти люди...

— Пятнадцать. Мне в тот год было шестнадцать. Я был таким молодым. В этом году... — Старший Брат, казалось, забыл о времени. Он посмотрел на свою ладонь, на которой было десять шрамов.

Старший Брат продолжил:

— В этом году мне двадцать шесть. Раньше я называл мужчин за двадцать 'дядями' и думал, что дожить до двадцати пяти — уже достаточно. Кто бы мог подумать... теперь я сам дядя? Ха-ха-ха-ха!

Он внезапно рассмеялся, и смех звучал одновременно тоскливо и печально.

— Кто вы такие на самом деле? — Цзянь Хуай впервые почувствовал страх, не потому что эти люди выглядели страшно, а из-за своих догадок.

— Мы? Сокамерники Ши Чанфэна, ха-ха-ха-ха! — засмеялся Старший Брат. — Мы все несовершеннолетние преступники от четырнадцати до восемнадцати, отбросы общества!

Пэй Няньши пробудил основную личность Ши Чанфэна одним словом — "несовершеннолетний преступник!"

Ши Чанфэн, которого знал Цзянь Хуай, был спокоен, мягок, надёжен и силён. Как и его статус, он нёс тяжёлую ответственность, неуклонно двигаясь вперёд. Он был наполнен чистым, прохладным воздухом лёгкого снега, незатронутый тьмой мира. В снежную ночь даже тьма была светла из-за отражения снега.

Однако левый Ши Чанфэн, называвший себя основной личностью, был полон разрушения, усталости от мира и ненависти. Его взгляд на Цзянь Хуая был бесстрастным, как у редкого оружия.

— Какое преступление он совершил? — Цзянь Хуай контролировал голос, стараясь звучать спокойно.

Цзянь Хуай и Ши Чанфэн — оба были несовершеннолетними преступниками. Даже если это был монстр, даже если это была инсценировка Цзянь Боханя, Цзянь Хуай действительно убил дядю Линя в тот день. Разница была в том, что под манипуляциями Цзянь Боханя он стал психически больным пациентом, насильно лечимым государством, тогда как Ши Чанфэн был отправлен в исправительное учреждение для несовершеннолетних.

— Убийство, — сказал Старший Брат. — Его мать была проституткой, немой, приводившей клиентов домой каждый день. Однажды он сошёл с ума и убил всех клиентов, пришедших в дом, может быть, семь или восемь человек. Его осудили.

Цзянь Хуай не смог сдержаться — он схватился за железную решётку, сгибая её.

Старший Брат безучастно продолжил:

— Его мать умерла, пока он ожидал суда. Она была ранена в день, когда Ши Чанфэн убил тех людей. Она потратила все заработанные деньги на адвоката для сына. Она думала, что внешние травмы заживут со временем, но у неё были внутренние повреждения, и она внезапно умерла.

— Он был в заключении, ожидая суда, и не знал об этом. Узнал только в день приговора.

— Я впервые встретил его в исправительном центре, и он сказал: 'Я хочу умереть.'

Цзянь Хуай вдруг понял, откуда взялось разрушительное чувство левого Ши Чанфэна.

— Он токсичен. Он пробыл в камере около полумесяца и заставил нескольких из нас захотеть умереть, — сказал Старший Брат. — Подход исправительного центра к несовершеннолетним преступникам — это образование и наставление, надежда, что мы встанем на правильный путь. Но кто не знает, что после освобождения мы не сможем учиться, жениться, у нас будет судимость, и даже наши дети будут подвергаться дискриминации.

Старший Брат вздохнул:

— Мы были молоды тогда, не знали, как это прекрасно — жить, чувствовали тошноту каждый день, думали, что это круто. В нашей камере двадцать человек совершили массовое самоубийство.

— Массовое самоубийство? Тогда резонанс сознания, который вы вызвали...

— Да, массовый резонанс. Началось с двадцати смешанных миров — уровень сложности 'ад'. Мы хотели умереть, но здесь трудно умереть; легко жить. Посмотри на Третьего, он такой и всё ещё жив. Через пару дней он сойдет с ума, и я выброшу его, — сказал Старший Брат. — Я так много рассказал. Теперь расскажи о себе. Что ты сделал, что оказался здесь? Ты в наручниках, довольно опасно, должно быть, совершил что-то серьёзное.

Цзянь Хуай не ответил, а спросил:

— Вы знаете о резонансе сознания и уровнях миров?

— Да, Ши Чанфэн рассказал нам. Он часто приходит, наблюдает за нами из-за решётки, рассказывает о реальном мире и приносит еду. Знаешь что, Ши Чанфэн привёл сюда немало людей. Некоторых отдал нам поиграть, других выбросил за решётку. Ты первый, кто вошёл невредимым. Ты в наручниках, значит, несовершеннолетний преступник, да? — сказал Старший Брат.

Цзянь Хуай хотел отрицать, но кивнул, вспомнив прошлое:

— Несовершеннолетний преступник, убийство.

Старший Брат сказал:

— Я так и знал. Ши Чанфэн, должно быть, симпатизирует тебе; иначе он не бросил бы тебя

внутри решётки. Снаружи — хаотичный мир взаимного пожирания; только здесь безопасно.

— Вы все — резонаторы сознания. Почему не возвращаетесь в реальный мир? — спросил Цзянь Хуай. — Ши Чанфэн уже ушёл, а вы?

— Не можем вернуться, ассимилировались, — Старший Брат указал на Третьего. — Структура наших тел изменена силой мира. Мы больше не считаемся людьми из того мира. Никто не знает, что случится, если мы вернёмся.

— Ассимилировались?

— Да. Вообще, получение резонатором сознания личности— это доказательство сертификации мира, начало ассимиляции, но ещё есть надежда. После трёх дней здесь тело начинает изменяться под силой мира. На седьмой день ассимиляция завершается, и мы полностью становимся людьми этого мира, безвозвратно, — сказал Старший Брат. — Если выйти, другие не увидят тебя, мир отвергнет. Второй вышел однажды, нашёл своих родителей, но они не видели его, и через два дня он исчез. Как это называется? Очищение миром.

— Потом мы не возвращались, и Ши Чанфэн не позволял нам. Мы просто остаёмся здесь, пока не сойдём с ума. Мы не умрём, — Старший Брат прислонился к стене, говоря спокойно.

— Тогда почему Ши Чанфэн смог выйти?

— Потому что здесь он пробудил вторую личность. Две личности сменяют друг друга, позволяя ему продержаться дольше нас. Ему повезло.

Пэй Няньши говорил, что вторая личность Ши Чанфэна пробудилась три года назад, так что он тоже не понимал ситуацию. Этот мир был местом, где родилась другая личность Ши Чанфэна.

Цзянь Хуай посмотрел за решётку, где царил хаос, и он не знал, какие опасности таились внутри.

— Где Ши Чанфэн? Я вошёл с ним.

— Снаружи, кто знает где, — причмокнул Старший Брат. — Я столько рассказал, а ты ничего не дал взамен? У тебя есть сигареты? Дай одну.

— Нет, — сказал Цзянь Хуай.

С этими словами он напряг руки и ноги, разорвав наручники и кандалы. Цзянь Хуай твёрдо подошёл к железной решётке и увидел, что те не заперты; они могли свободно выйти.

— Эй, что ты делаешь? Хочешь умереть? — спросил Старший Брат.

— Я не умру, — сказал Цзянь Хуай. — Я найду Ши Чанфэна и верну его домой.

<http://bllate.org/book/13781/1216474>